

ВВ

1709

Р89

Persecution of the Dukhobory with conclusion by Count Leo Tolstoy.

Изданій Фонда В. Р. П.
Вып. 19-й

Цѣна:
10 п. (1 фр.; 25 цент.)

ГОНЕНІЯ НА ДУХОВОРЦЕВЪ

СЪ ЗАКЛЮЧЕНІЕМЪ

графа Л. Н. Толстого

Предисловіе С. С.; Письмо Л. Н. Толстого къ редактору *Times*;
Извѣщеніе христіанъ въ Россіи; Заключеніе Л. Н. Толстого.

1896.

Published by the «RUSSIAN FREE PRESS FUND».

LONDON.

ИЗДАНИЯ ФОНДА.

- 1-ый выпускъ. — «Что намъ нужно» и «Начало Конца.» С. Степняка. Цѣна 2 пен. (25 савт.; 10 цент.).
- 2-ой выпускъ. — «Заграничная Агитация.» С. Степняка. Цѣна 2 пен. (25 савт.; 10 центовъ).
- 3-ий выпускъ. — «Еврей къ Евреямъ.» Е. Хасина. Цѣна 4 п. (40 савт.; 20 центовъ).
- 4-ый выпускъ. — «П. К. Домбровский, Членъ 'Пролетаріата'» (Революционеръ-Самоучка). Биогр. очеркъ. 5,000 экз. Цѣна 2 п. (25 савт.; 10 центовъ).
- 5-ый выпускъ. — «Чудная». Очеркъ. В. Короленко. 5,000 экз. Цѣна 1 пен. (10 савт.; 5 центовъ).
- 6-ой выпускъ. — «Подпольная Россія.» С. Степняка. 4,000 экз. Цѣна 2 шил. (2,50 фр.).
Тоже. Съ портретами и въ переплетѣ. 1,000 экз. Цѣна 3 ш. 3 п. (4 фр.; 75 центовъ).
- 7-ой выпускъ. — «Конституція графа Лорисъ-Меликова.» 5,000 экз. Цѣна 3 пен. (30 савт.; 6 центовъ).
- 8-ой выпускъ. — «Чему учить 'Конституція графа Лорисъ-Меликова'.» Ф. Волховскаго. 5,000 экз. Цѣна 4 пен. (40 савт.; 8 цент.).
- 9-ый выпускъ. — «Кто чѣмъ живетъ.» С. Динштейна. Народное изданіе съ портретомъ автора. 5,000 экз. Цѣна 3 п. (30 с.; 6 ц.).
- 10-ый выпускъ. — «Азбука социальныхъ наукъ.» Грегоримская цивилизація, средніе вѣка, возрожденіе наукъ. Н. Флеровскаго. 5,000 экз. Цѣна 1 ш. 3 п. (1 фр. 60 савт.; 30 центовъ).
- 11-ый выпускъ. — «Азбука социальныхъ наукъ.» XVII и XVIII вѣка современной западно-европейской цивилизаціи. Н. Флеровскаго. Цѣна 1 ш. (1 фр. 25 савт.; 25 центовъ).
- 12-ый выпускъ. — «Азбука социальныхъ наукъ.» XIX вѣкъ современной западно-европейской цивилизаціи. Н. Флеровскаго. 5,000 экз. Цѣна 2 ш. (2 фр. 50 савт.; 50 центовъ).
- 13-ый выпускъ. — «Зарницы». Драматическія сцены. Н. Старикова. 5,000 экз. Цѣна 3 п. (30 савт.; 6 центовъ).
- 14-ый выпускъ. — «Воспоминанія о Чернышевскомъ.» В. Короленко. 4,000 экз. Цѣна 6 п. (60 савт.; 12 цент.).
- 15-ый выпускъ. — «Письмо Императору Александру III.» М. Цебриковой. Съ портретомъ и письмомъ къ Кеннану. Цѣна 4 пен. (40 савт.; 8 цент.).
- 16-ый выпускъ. — «Проектъ Русской Конституціи.» составленной въ Россіи. Со статьей С. Степняка. Цѣна 6 п. (60 савт.; 12 цент.).

Persecution of the Dukhobory with conclusion by Count Leo Tolstoy.

Изданій Фонда В. Р. П.
Вып. 19-й

Цѣна:
10 п. (1 фр.; 25 цент.)

ГОНЕНІЯ НА ДУХОВОРЦЕВЪ

СЪ ЗАКЛЮЧЕНІЕМЪ

графа Л. Н. Толстого

3991
Предисловіе С. С.; Письмо Л. Н. Толстого къ редактору *Times*;
Изміненіе христіанъ въ Россіи; Заключеніе Л. Н. Толстого.

1895.

Published by the «RUSSIAN FREE PRESS FUND».

LONDON.

ЛОНДОНСКИЙ ФОНДЪ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПРЕССЫ основанъ нижеподписавшимися лѣтомъ 1891 года при помощи взносовъ, сдѣланныхъ нѣсколькими русскими, имѣющими легальное положеніе въ Россіи. Цѣль его удовлетвореніе ощущаемой въ настоящую минуту въ Россіи потребности въ свободномъ печатномъ словѣ. Изданія фонда будутъ выходить отдѣльными брошюрами не періодически, касаясь какъ злобы дня, такъ и общихъ вопросовъ. Считая будущее русскаго народа результатомъ всѣхъ существующихъ попутныхъ теченій и мнѣній въ Россіи, издатели не намѣрены ограничиваться опубликованіемъ только своихъ личныхъ воззрѣній, но приглашаютъ и другихъ авторовъ, не вполне согласныхъ съ ними, но могущихъ доставить рукописи, цѣнныя по своему фактическому содержанію, или въ какомъ нибудь другомъ отношеніи, принять участіе въ изданіяхъ фонда за своей собственной или псевдонимной подписью. Ко всѣмъ-же тѣмъ, кто живо чувствуетъ въ Россіи униженіе невольнаго молчанія и сознаетъ свой нравственный долгъ по отношенію къ массѣ трудящагося народа, населяющаго русскую территорію, мы обращаемся за посильной помощью средствами и литературнымъ матерьяломъ. Мы охотно беремъ на себя всѣ хлопоты по опубликованію всѣхъ присылаемыхъ намъ цѣнныхъ рукописей и аккуратной доставкѣ въ Россію отпечатаннаго.

Тѣ, кто не имѣютъ съ нами связей черезъ нашихъ друзей

въ Россіи, могутъ обращаться къ намъ лично или письменно изъ-за границы. Деньги можно пересылать или переводами черезъ одинъ изъ лондонскихъ либо парижскихъ банковъ, или почтовыми переводами (*mandats, postal orders*) или ассигнаціями любой страны, въ заказныхъ письмахъ.

КОМИТЕТЪ ФОНДА:

- Ф. Волховскій (*F. Volkhovsky, 56, Rylett Crescent, Shepherd's Bush, London, W.*)
- Е. Лазаревъ (*E. Lazarev, 56, Rylett Crescent, Shepherd's Bush, London, W.*)
- Л. Гольденбергъ (*L. Goldenberg, 15, Augustus Road, Hammer-smith, London, W.*)
- С. Стеннякъ (*S. Stepmak, 45, Woodstock Road, Bedford Park, London, W.*)
- Н. Чайковскій (*N. Tchaykovsky, Harrow, England*).
- Л. Шипко (*L. Chichko* адресовать въ контору Фонда въ Лондонѣ).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Печатая исторію звѣрствъ, совершенныхъ надъ кавказскими духоборцами и мнѣніе Л. Н. Толстого, считаемъ не лишнимъ сказать съ своей стороны нѣсколько словъ. Подобно якутской бойнѣ, эти звѣрства являются однимъ изъ такихъ дѣяній нашего правительства, которыя невозможно замолчать даже въ Россіи. Извѣстія о нихъ попали весьма скоро въ заграничную русскую печать (см. *Листокъ № 25*) и проникли даже въ русскую легальную прессу, хотя въ послѣдней могли появиться лишь въ крайне урѣзанномъ и ослабленномъ видѣ: русское правительство не стыдится и не боится разрѣшать своимъ чиновникамъ подобныя варварства, но оно боится и стыдится ихъ разоблаченія. Поднявъ на защиту духоборцевъ свой могучій голосъ, Л. Н. Толстой, превращаетъ попытку нашего правительства заглушить духоборческую бойню въ уловку страуса спрятать за дерево свою глупую голову. Вся Англія и Европа услышали отъ него повѣсть о возмутительныхъ издѣвательствахъ и жестокостяхъ, совершенныхъ надъ двадцатью тысячами ни въ чемъ неповинныхъ людей (точный переводъ его сообщенія появился въ Лондонскомъ *Times* 23 октября). Теперь его услышитъ и Россія.

Къ разсказу о расправѣ надъ духоборцами мы прилагаемъ, не появившуюся въ *Times*'ѣ статью самого Льва Николаевича объ этомъ дѣлѣ, которую русскіе люди прочтутъ съ интересомъ, какъ все подписанное его именемъ. Намъ нѣтъ надобности вдаваться въ полемику съ нимъ: наши взгляды на поднимаемый имъ вопросъ достаточно извѣстны. Насъ не прельщаетъ примѣръ Симеона воина, который сперва истребилъ всѣхъ павликіанъ, а потомъ самъ обратился въ ихъ вѣру: мы знаемъ очень хорошо, что огромное большинство Симеоновыхъ воиновъ вовсе не выказывало и не выказываетъ такой совѣстливости.

Да и помимо того насъ вовсе не умиляетъ мысль, что насытившись истребленіемъ, наши Симеоны войны когда нибудь прольютъ надъ нами слезы раскаянія. Чувство человѣческаго достоинства и простой безхитростной любви къ нашему народу подсказываетъ намъ выводы совершенно противоположные тѣмъ, какіе дѣлаетъ нашъ почтенный авторъ.

Одно только замѣчаніе. Левъ Николаевичъ утверждаетъ, что звѣрства надъ духоборцами были роковымъ результатомъ идеи государственности и что всякое правительство должно было бы поступить съ духоборцами такъ, или почти такъ, какъ поступило русское. Но онъ ошибается съ точки зрѣнія какъ факта такъ и права. Во первыхъ, во всѣхъ государствахъ, въ томъ числѣ и въ тѣхъ, гдѣ существуетъ обязательная повинность, есть люди, отрицающіе по религіознымъ убѣжденіямъ войну и употребленіе оружія. И нигдѣ съ ними не дѣлаютъ ничего подобнаго тому, что дѣлаютъ у насъ съ Дрожжинымъ, съ Изюмченко и солдатами изъ духоборцевъ. Во вторыхъ, тѣ двадцать тысячъ духоборцевъ и духоборокъ, которыхъ били, убивали, насиловали, топтали лошадыми вовсе не нарушали законовъ о воинской повинности, по той простой причинѣ, что къ таковой они призваны не были, лишь незначительная горсть изъ этихъ двадцати тысячъ были въ этомъ положеніи. За что же мучили остальныхъ? За что раззорили ихъ всѣхъ? Единственно за ихъ религіозныя *убѣжденія*. Этого не дѣлаютъ нигдѣ, кромѣ Россіи. Преступленіе совершено и могло совершиться только благодаря нашему политическому строю и позоръ его ложится цѣликомъ на русское правительство.

Выступивши смѣло и открыто со своими разоблаченіями, Левъ Николаевичъ исполнилъ свой долгъ человѣка и гражданина. Появившись съ его именемъ и подъ гарантіей его непререкаемаго авторитета, факты, имъ сообщаемые, облетятъ всю Россію и не одной тысячѣ людей послужатъ они новымъ стимуломъ для борьбы — все равно желаетъ ли онъ этого или нѣтъ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ *TIMES*.

Милостивый Государь,

Посылаю вамъ для напечатанія въ вашей газетѣ записку о гоненіяхъ, которымъ нынѣшнимъ лѣтомъ подверглись кавказскіе сектанты духоборцы. Средство помочь какъ гонимымъ, такъ въ особенности гонителямъ, не знающимъ что творять, есть только одно: гласность, представленіе дѣла на судъ общественнаго мнѣнія, которое, выразивъ свое неодобреніе гонителямъ, и сочувствіе гонимымъ, удержитъ первыхъ отъ ихъ часто только по темнотѣ и невѣжеству совершаемыхъ жестокостей и поддержитъ бодрость во вторыхъ и дастъ имъ утѣшеніе въ ихъ страданіяхъ.

Въ Россіи статью не пропуститъ цензура, потому обращаюсь къ вамъ, прося напечатать ее въ вашемъ изданіи. Записка эта составлена моимъ другомъ, ѣздившимъ на мѣсто для собранія точныхъ свѣдѣній о происшедшихъ событіяхъ, и потому сообщаемымъ имъ свѣдѣніямъ можно вѣрить.

То, что передаваемые въ этой запискѣ свѣдѣнія получены только отъ одной стороны — гонимыхъ, а не спрошена другая сторона, гонителей, — не уменьшаетъ достовѣрности сообщаемого. Гонимымъ не зачѣмъ было

скрывать то, что они дѣлали: они провозглашаютъ это на весь мѣръ; гонителямъ же не можетъ не быть стыдно за тѣ мѣры, которыя они употребляли противъ гонимыхъ и потому они всѣми средствами будутъ стараться скрыть свои дѣла. Если же въ разсказахъ духоборовъ и могли быть преувеличенія, то мы старательно исключили все то, что намъ казалось таковымъ.

Достовѣрно и несомнѣнно самое существенное разсказанное въ этой запискѣ, а именно то, что духоборы были въ разныхъ мѣстахъ неоднократно жестоко истязуемы, что большое число ихъ засажено въ тюрьмы и что болѣе 450 семей совершенно раззорены и выгнаны изъ своихъ жилищъ только за то, что они не хотѣли поступать противно своимъ религіознымъ вѣрованіямъ. Все это несомнѣнно достовѣрно потому, что было напечатано во многихъ русскихъ газетахъ и не вызвало никакого опроверженія со стороны правительства.

Левъ Толстой

ГОНЕНИЕ НА ХРИСТІАНЪ ВЪ РОССІИ

въ 1895 году.

« Если меня гнали, будутъ гнать
и васъ » (Іоан. XV, 20).

Нынѣшнимъ лѣтомъ мы получили съ Кавказа извѣстія о гоненіи, которому подверглись поселенные тамъ такъ называемые сектанты духоборцы: писалось объ избіеніи ихъ казаками, о четырехъ убитыхъ при этомъ людяхъ, объ изнасилованіи ихъ женщинъ и о разореніи цѣлыхъ тысячныхъ селъ.

Нѣкоторыя извѣстія объ этихъ гоненіяхъ проникли и въ русскія подцензурныя газеты, и не появлялось опроверженій со стороны правительства. При отсутствіи въ Россіи свободнаго печатнаго слова, нельзя было знать, что была правда и что вымыселъ. Для того, чтобы узнать истину, я рѣшился самъ поѣхать на Кавказъ на мѣсто событій.

Я не ѣхалъ путешествовать и потому быстро, не останавливаясь, проѣхалъ до Тифлиса и изъ Тифлиса по желѣзной дорогѣ по направленію къ Баку, до станціи Евлахъ, а оттуда на лошадахъ опять на сѣверъ, къ подножію главнаго Кавказскаго хребта, въ городъ Ну-

ху, одно изъ мѣстъ ссылки русскихъ сектантовъ, гдѣ я надѣялся получить болѣе подробныя свѣдѣнія о духоборахъ и ихъ настоящемъ положеніи. Узнавъ въ Нухѣ о новомъ мѣстѣ поселенія духоборовъ въ Сигнахскомъ уѣздѣ, я поѣхалъ туда и тамъ и дорогой видѣлся со многими духоборами, бесѣдовалъ съ ними и узналъ тѣ подробности, которыя передаю въ этой запискѣ.

Но прежде, чѣмъ рассказать то, что я узналъ о гоненіяхъ настоящаго времени, я долженъ сказать о томъ, что я уже прежде зналъ и на мѣстѣ узналъ о происхожденіи, вѣрованіяхъ и организаціи духоборовъ.

Секта духоборовъ или духоборцевъ возникла въ срединѣ прошлаго вѣка въ Россіи; не разъ за это столѣтіе духоборы подвергались гоненіямъ и выселеніямъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія они жили въ Таврической губерніи, но въ 40-хъ годахъ, по указу императора Николая I, были выселены въ Закавказье. Ихъ поселили въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ, Тифлисской губерніи, на такъ называемыхъ Мокрыхъ горахъ, въ сыромъ, гористомъ мѣстѣ, на высотѣ 5,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Въ этомъ мѣстѣ съ трудомъ произрастаетъ ячмень.

Не смотря на неблагопріятныя условія, въ которыя они были поставлены, духоборскія колоніи процвѣтали, и число ихъ увеличивалось, имъ скоро стало тѣсно и часть ихъ выселилась въ Елизаветпольскую губернію, а часть во вновь приобрѣтенную Карскую область.

Я не буду излагать подробно религіозное ученіе духоборцевъ, но вотъ главныя основанія его, почерпнутыя мною какъ изъ устныхъ моихъ бесѣдъ съ духоборцами, такъ и изъ лучшаго изслѣдованія этого ученія, «Духоборцы. Ихъ исторія и вѣроученіе.» Сочиненіе Ореста Новицкаго. Изданіе второе, 1882 г.. Сочиненіе это разрѣшено цензурой.

«Христу, какъ исторической личности, духоборцы не придаютъ особеннаго значенія. Онъ представляетъ только

образъ того, что въ душѣ каждаго духоборца совершаетъ божественный Разумъ, или Слово. Духоборцы признають пришествіе Христа во плоти, его дѣянія, ученіе и страданія, но все то принимаютъ въ духовномъ смыслѣ и утверждаютъ, что Христосъ долженъ въ насъ зачатъся, родиться, возрасть, учить, страдать, умирать, воскреснуть и вознестись.

«Поклоняясь Богу духомъ, духоборцы единогласно утверждаютъ, что наружная церковь и все, что въ ней совершается и къ ней относится, не имѣетъ для нихъ никакого значенія и не приноситъ никакой пользы. «Ходить въ церковь, — говорили тамбовскіе духоборцы, — совѣсть наша не желаетъ, и въ ней святости не чаемъ, потому что она тлѣнна, а не вѣчна». Такъ какъ Божество, по ихъ понятію, пребываетъ въ душѣ каждаго духоборца, то здѣсь же должна быть и церковь для этого Божества. «Моя церковь, — говорится въ катехизическомъ оглашеніи духоборцевъ, — построена не на горахъ, не въ бревнахъ, не въ каменныхъ стѣнахъ, а построена у меня церковь въ душѣ.» Вездѣ церковь, гдѣ два или три собраны во имя Христово. Отвергнувъ внѣшнюю церковь, духоборцы не имѣютъ уже надобности въ ея таинствахъ и обрядахъ. Иконъ, или какъ называютъ ихъ духоборцы, символовъ они не признають священными и не почитаютъ никакихъ изображеній. Въ одномъ изъ духоборскихъ псалмовъ объ этомъ говорится такъ: «рукотворнымъ образамъ не кланяемся, въ нихъ святости не чаемъ. Образу мы кланяемся не оцѣненному, внутрь насъ сіяющему» (240, 242, 248 и 252 стр.).

«Святыхъ почитаютъ, но имъ не молятся и не призываютъ на помощь, потому что они угодили Богу собственно для себя; не молятся и о спасеніи другихъ людей, такъ какъ всякъ молится о себѣ, а не о другихъ. При рожденіи младенца дается ему христіанское имя безъ всякой молитвы. Молятся они только Богу, и въ

извѣстные дни года у нихъ бываютъ молитвенныя собранія, въ которыхъ они читаютъ свои псалмы, или поютъ молитвы» (251 и 255 стр.).

Оканчивая молитвенное собраніе, духоборцы взаимно привѣтствуютъ другъ друга поцѣлуемъ и поклономъ, выражая этимъ поклоненіе божественному духу, живущему въ человѣкѣ.

«Св. писаніе духоборцы признаютъ даннымъ отъ Бога, но не полагаютъ его въ основаніе своего вѣроученія. «Изъ ветхаго и новаго завѣта, — говорятъ духоборцы, — мы беремъ себѣ только полезное», большею частію ученіе нравственное. Все, что въ св. писаніи не подходитъ подъ ихъ образъ мыслей, они отвергаютъ, или стараются объяснить въ необыкновенномъ, таинственномъ смыслѣ. Они мало придаютъ значенія св. писанію и называютъ библію «хлопотницею». Духоборческое вѣроученіе основывается не на св. писаніи, а на преданіи. Это преданіе отъ отцовъ называется у духоборцевъ *«животною книгою»*. Животною книгою называется у духоборцевъ преданіе потому, что оно живетъ въ ихъ памяти и сердцахъ въ противоположность нашей библіи, состоящей, по ихъ словамъ, изъ мертвыхъ буквъ. Животная книга составляется изъ такъ называемыхъ духоборцами *«псалмовъ»*; псалмы составлены изъ отрывочныхъ стиховъ ветхаго и новаго завѣта и большею частію собственныхъ духоборческихъ вымысловъ. Псалмовъ у духоборцевъ безчисленное множество; они до сихъ поръ слагаются и потому число ихъ все увеличивается; знать всѣ псалмы одному духоборцу не возможно. Поэтому животная книга и хранится въ полномъ своемъ составѣ не въ каждомъ духоборцѣ порознь, а въ цѣломъ родѣ ихъ, разбросанная по сердцамъ; чтобы составила полная животная книга, надо, такъ сказать, сложить всѣ духоборческія памяти и сердца. Книга по частямъ передается изъ рода въ родъ преемственно отъ отца къ сыну по устному ученію и ни одна іота этой книги не зате-

рялась и не может затеряться до кончины и послѣ кончины міра, какъ не погибнетъ безсмертная душа, хранительница книги. Скорѣе наша библія, книга видимая, тлѣнная, мертвая, затеряется, т. е. потеряются подлинныя слова божія, какъ уже дѣйствительно потерялись по невѣрному изложенію въ ней евангелистами проповѣди Іисуса Христа и по многимъ ошибкамъ, вкравшимся въ библію вслѣдствіе невѣрныхъ переводовъ ея съ языка, на которомъ учили пророки, Христосъ и апостолы» (242—244 стр.).

Нравственныя понятія духоборцевъ слѣдующія : « всѣ люди по своему естеству равны ; внѣшнія отличія, каковы бы они ни были, не значать ничего. Эту мысль о равенствѣ людей духоборцы перенесли и на государственныя власти ; сыны божіи исполняютъ сами что слѣдуетъ, безъ принужденія : власти для нихъ не нужны. Не нужно быть на землѣ никакимъ властямъ, ни духовнымъ, ни свѣтскимъ, потому что люди всѣ между собою равны и одинаково подвержены искушенію во грѣхахъ. Поэтому духоборцы, хотя и не возстаютъ противъ учрежденныхъ властей, но не имѣютъ къ нимъ всецѣлой покорности : если и уважаютъ ихъ, то дѣлаютъ это притворно ; а между собою всякую подчиненность, и тѣмъ больше монархическое правленіе, признаютъ противнымъ своему образу мыслей. И судебныя расправы не нужны для сыновъ божіихъ : на что тому суды, — говорятъ они, — кто самъ не захочетъ кого либо обидѣть ? Не позволительна и клятва, и потому они отказываются давать присягу въ какомъ бы то ни было случаѣ ; а этого рода случаи особенно часто представлялись при отдачѣ ихъ въ рекруты. Считали они также не позволительнымъ носить оружіе и сражаться противъ врага, — что и показали на дѣлѣ, въ составѣ вологодскаго полка, бросивъ оружіе подъ Перекопомъ въ первую турецкую войну » (236—237 стр.).

Въ своихъ отношеніяхъ съ людьми они необыкновен-

но кротко-вѣжливы и нѣсколько торжественны въ приемахъ.

Ведя трудовую нравственную жизнь, они отличаются высокимъ ростомъ, силою и физическою красотою.

«Въ семейномъ быту замѣчательно у духоборцевъ особое отношеніе между родителями и ихъ дѣтьми. Духоборцы не называютъ отцомъ или матерью виновниковъ своей жизни. Отецъ, если онъ молодъ, называется просто собственнымъ именемъ 'Иванъ', или чаще уменьшительнымъ 'Ваня', а если старъ, 'старичкомъ'. Молодую мать дѣти называютъ 'няней', а старуху — 'старушкою'. Такія названія имѣютъ у нихъ простой житейскій смыслъ: старикомъ и старушкой отецъ и мать называются потому, что 'стараются', или обязаны 'стараться' о счастіи своихъ дѣтей, и няней потому, что мать обыкновенно вынянчиваетъ своихъ дѣтей, когда находятся еще въ младенчествѣ. Родители не говорятъ о дѣтяхъ 'мои', а 'наши', мужья называютъ своихъ женъ сестрами, а жены мужей — братьями» (261 стр.).

Взаимная помощь среди духоборцевъ развита чрезвычайно. Въ слободѣ Горьловкѣ, Ахалкалакского уѣзда, выстроенъ на общественныя средства большой трехэтажный сиротскій домъ, гдѣ прирѣвались сироты и немощные духоборцы; такъ что нищихъ у нихъ никогда не было. За послѣднее время этимъ домомъ управляла Лукерья Васильевна Калмыкова, вдова предшествовавшего ихъ руководителя. Въ рукахъ Лукерьи Васильевны былъ и весь общественный капиталъ и другое имущество. Послѣ ея смерти, лѣтъ 8 тому назадъ, управление общественнымъ имуществомъ, капиталомъ и сиротскимъ домомъ по справедливости должно было перейти къ преемнику Лукерьи Васильевны, избранному ею еще при жизни, Петру Веригину; но юридическихъ документовъ на это не было. Родной братъ Лукерьи Васильевны Губановъ предъявилъ права наслѣдства и черезъ посредство мирового судьи утвердился въ этихъ правахъ и

унаслѣдоваль такимъ образомъ все общественное имущество.

Такая явная несправедливость взволновала духоборческую общину. Всѣ духоборы раздѣлились на двѣ партіи: меньшая, къ которой принадлежала вся слобода Горѣловка и часть населенія другихъ деревень стояла за Губанова, а другія семь деревень Ахалкалакского уѣзда и большая часть другихъ поселеній Карской области и Елизаветпольской губерніи составили большую партію, приблизительно втрое большую первой, стоявшую за Петра Веригина (всѣхъ духоборцевъ на Кавказѣ 20,000). Сначала духоборцы большой партіи попробовали искать правосудія у правительства и протестовали законнымъ порядкомъ. Дѣло тянулось очень долго, переходя изъ одной инстанціи въ другую и, какъ говорятъ духоборцы большой партіи, помощью подкупленныхъ свидѣтелей было всетаки окончательно рѣшено въ пользу Губанова и его приверженцевъ.

Убѣдившись, что у правительства «правды нѣтъ», духоборцы рѣшили дѣйствовать самостоятельно; они собрали новый капиталъ въ 100,000 рублей, поровнявъ имущество бѣдныхъ и богатыхъ и поручили управление этимъ капиталомъ Петру Веригину, сплотившись около него дружнѣе прежняго.

Всѣ религіозныя общины переживаютъ обыкновенно одинъ и тотъ же социальный процессъ, состоящій въ томъ, что какъ только образуется община, воодушевленная одной религіозно-нравственной идеей и подвергнется гоненіямъ, то она тотчасъ же, какъ только прекращаются гоненія, быстро поднимается въ матерьяльномъ благосостояніи; но вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ повышенія матерьяльнаго благосостоянія, начинаетъ понижаться или по крайней мѣрѣ останавливаться въ общинѣ ростъ религіознонравственнаго сознанія, совершается совершенно обратное тому, что утверждаютъ весьма популярныя экономисты, полагающіе, что нравственный уровень об-

щества находится въ прямой зависимости отъ его экономическаго благосостоянія. Тоже было и съ духоборами, поселенными на Кавказѣ: богатѣя, они стали ослабѣвать въ исполненіи нравственныхъ требованій своего закона: они перестали быть воздержны въ своей жизни, стали курить, пить, стали судиться въ судахъ, главное же подчинились противнымъ ихъ вѣроученію требованіямъ правительства, стали вступать въ военную службу. Но тутъ случилось то, что обида, нанесенная общинѣ Губановымъ и несправедливость въ этомъ дѣлѣ властей, рѣшившихъ дѣло явно противно правдѣ, встряхнула духоборовъ и, подъ вліяніемъ Петра Веригина и лучшихъ людей большой партіи, заставила ихъ вернуться къ основамъ своего вѣроученія. Они перестали курить, пить вино, перестали ѣсть мясо и стали раздавать свое имущество.

Между тѣмъ, по проискамъ малой партіи, Петръ Веригинъ, бывший главнымъ руководителемъ совершившагося между духоборами возрожденія, и еще нѣсколько лучшихъ людей общины были обвинены въ возмущеніи и подстрекательствѣ и сосланы въ Колу и другіе города Архангельской губерніи. Ссылка эта еще больше возвысила въ глазахъ общины и усилила вліяніе на нихъ Веригина. Веригинъ изъ ссылки продолжалъ руководить религіознымъ движеніемъ среди духоборъ. И правительство, узнавъ это, сослало Веригина изъ Архангельской губерніи въ одно изъ самыхъ тяжелыхъ мѣстъ ссылки Сибири въ городъ Обдорскъ.

Во время пересылки Веригина изъ Архангельской губерніи въ Сибирь, нынѣшней зимой (1894—1895 г.), его посѣтили въ Москвѣ, пріѣхавшіе съ Кавказа его духовные братья: родной братъ Василій Веригинъ и двоюродный Василій Верещагинъ. (Оба брата эти теперь сидятъ въ тюрьмѣ.)

Эти братья, вернувшись къ своей общинѣ, привезли отъ Петра Веригина предложеніе, принятое всей боль-

шой партіей, объ воздержаніи отъ присяги, военной службы, всякаго участія въ насильственныхъ дѣлахъ правительства и объ уничтоженіи всякаго оружія. Съ тѣхъ поръ начались между духоборами отказы отъ военной службы. Первый человекъ, подавшій примѣръ такого отказа былъ Матвѣй Лебедевъ, духоборецъ, служившій въ г. Елизаветполѣ, въ резервномъ батальонѣ. За отличіе по службѣ, за честность, расторопность и смѣлливость онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность отдѣленнаго унтеръ-офицера. Это было сдѣлано противъ правилъ, какъ исключеніе, такъ какъ по закону духоборовъ нельзя назначать ни на какія должности выше рядоваго.

Днемъ объявленія отказа былъ назначенъ первый день пасхи нынѣшняго 1895 года. Нѣкоторая особенность въ роученія духоборцевъ заключается въ томъ, что они, относясь отрицательно къ церкви, соблюдаютъ церковные праздники, объясняя себѣ символически ихъ значеніе. И потому день пасхи, считаясь у нихъ праздникомъ, былъ выбранъ умышленно. По обычаю, весь батальонъ долженъ былъ идти въ церковь и постѣ церкви участвовать въ церковномъ парадѣ. Духоборцы, какъ сектанты, могли не идти въ церковь, но должны были ожидать на площади и участвовать въ парадѣ.

Матвѣй Лебедевъ объявилъ своимъ братьямъ, десяти духоборцамъ, служившимъ вмѣстѣ съ нимъ въ томъ же батальонѣ, что на парадъ идти не надо, такъ какъ они всѣ рѣшили сегодня перестать служить. Всѣ десять человекъ согласились на это и остались дома въ казармахъ.

Когда во время парада начальство замѣтило отсутствіе Лебедева и его десяти братьевъ, то за ними послали дежурнаго солдата. Дежурный принесъ извѣстіе, что они идти на парадъ не хотятъ. Тогда побѣжалъ за ними фельдфебель. Придя въ роту, онъ накинулся на Лебедева съ угрозами и бранью. Сначала Лебедевъ просто заявилъ, что онъ и его товарищи не пошли на парадъ, такъ какъ они рѣшили больше не служить въ военной

службѣ, сознавъ, что это противно ученію Христа, которое они исповѣдуютъ. Но когда фельдфебель сталъ бранить его и угрожать ему разными наказаніями, то Лебедевъ, для подтвержденія своего рѣшенія, вынулъ свое ружье изъ козель и отдалъ его фельдфебелю, подтвердивъ свой отказъ. Тогда фельдфебель испугался этого рѣшенія и, перемѣнивъ обращеніе свое, сталъ просить прощенія за свою брань и уговаривать Лебедева одуматься и измѣнить рѣшеніе. Но Лебедевъ остался непреклоненъ. Въ это время войска вернулись съ парада, и поступокъ Лебедева сталъ извѣстенъ начальству. Товарищи Лебедева — духоборы были въ другихъ ротахъ и начальство поспѣшило разослать ихъ на посты, чтобы отдѣлить отъ Лебедева. Не зная еще объ окончательномъ отказѣ Лебедева, они повиновались.

Лебедева же сталъ увѣщевать ротный командиръ, очень любившій его. Лебедевъ пользовался любовью какъ начальства, такъ и солдатъ своего отдѣленія, плакавшихъ, когда его отъ нихъ уводили. Послѣ увѣщанія слѣдовали угрозы, но и они не подѣйствовали. Тогда ротный командиръ приказалъ его арестовать и его отвели подъ конвоемъ въ темный подземный карцеръ, такъ называемую «яму», гдѣ продержали 9 дней подъ строгимъ арестомъ, т. е. давая ему только хлѣбъ и воду въ очень маломъ количествѣ.

Между тѣмъ остальные десять духоборовъ, вернувшись съ постовъ и узнавъ, что Лебедевъ уже отказался и заключенъ въ тюрьму, также взяли свои ружья и отдали ихъ фельдфебелю, заявивъ свое отреченіе отъ службы вслѣдствіе того, что она противорѣчитъ служенію Богу и ученію Христа. Ихъ также посадили въ тюрьму, но отдѣльно отъ Лебедева, и тщательно слѣдили, чтобы между ними и Лебедевымъ не было сообщенія. Но сообщеніе это происходило непрерывно, такъ какъ низшіе чины всѣ были за арестованныхъ. И Лебедевъ своими совѣтами поддерживалъ силы своихъ духовныхъ братьевъ.

Дѣлу данъ былъ судебный ходъ. Во время слѣдствія, на вопросахъ, на отказавшихся духоборовъ старались подѣйствовать угрозами разстрѣлянія, но они не измѣнили своего рѣшенія. Они такъ свыклись съ мыслию о смерти, что были удивлены, когда послѣ суда узнали изъ приговора, что ихъ не разстрѣляютъ.

Судили ихъ въ Тифлисѣ 14 іюня. И судъ приговорилъ ихъ въ дисциплинарный батальонъ: Лебедева на три года, а остальныхъ на два. Военный прокуроръ остался недоволенъ рѣшеніемъ суда, обжаловалъ его въ высшую инстанцію и дѣло это еще не кончено. Никто не знаетъ, какая участь ожидаетъ этихъ людей.

Теперь они содержатся въ Тифлисѣ, въ военной тюрьмѣ, покорно ожидая рѣшенія своей судьбы. Мнѣ удалось видѣть ихъ, хотя на очень короткій срокъ. Всѣ они бодры духомъ и имѣютъ видъ здоровыхъ, веселыхъ людей, какъ бы готовящихся встрѣтить праздникъ.

Вслѣдъ за этимъ случаемъ, одинъ за другимъ стали повторяться отказы отъ военной службы солдатъ духоборовъ.

Такъ, въ городѣ Олты, Карской области, на турецкой границѣ, отказалось шесть человекъ солдатъ духоборовъ; въ Карсѣ — одинъ, въ Ахалкалакахъ — пять, въ Дилижанѣ — два. Кромѣ того, зараженные этимъ примѣромъ, въ Карсѣ четыре православные солдата также бросили ружья. Еще одинъ православный отказался въ Тифлисѣ и одинъ въ Мангисѣ. Эти два отказались, получивъ письма отъ родителей, въ которыхъ они увѣдомляли дѣтей своихъ, что они, родители, приняли истинную вѣру отъ духоборовъ и считаютъ военную службу грѣхомъ и просятъ дѣтей своихъ, какъ только они услышатъ, что духоборцы солдаты отказываются отъ службы, самимъ отказаться и бросить ружья, что они и исполнили. Всѣ эти люди были арестованы и сидятъ по тюрьмамъ.

Про то, какъ принимались властями эти отказы въ другихъ мѣстахъ, духоборы рассказываютъ слѣдующее.

Вотъ что разсказывалъ мнѣ одинъ духоборъ о пяти человѣкахъ, отказавшихся въ Алхалкалакахъ. Ихъ отвели на тюремную площадь и поставили въ рядъ. Затѣмъ были вызваны казаки и имъ велѣно было спѣшиться (сойти съ лошадей) и зарядить ружья. Видя это, духоборцы попросили позволенія помолиться. Имъ позволили. По окончаніи молитвы офицеръ скомандовалъ: «шеренгатовсь!»* шеренга!...» и выдержалъ такъ нѣсколько минутъ. Духоборцы стояли спокойно и ждали команды: «Пли!» Но пробилъ отбой и ружья были опущены. Послѣ этого имъ опять предложили взять ружья и служить, и когда они отказались, то казакамъ велѣно было сѣсть на коней и, обнаживъ шашки, скакать на духоборцевъ; подскакавъ къ нимъ, казаки, нѣсколько разъ махнули обнаженными шашками надъ головами духоборцевъ, дѣлая видъ, что хотятъ зарубить ихъ, но на самомъ дѣлѣ не задѣвая ихъ. Духоборцы не измѣнили своего рѣшенія. Тогда ихъ начали сѣчь плетьюми, и жестоко избили.

Я слышалъ о подобномъ же поведеніи властей въ Карсѣ и Елизаветполѣ, но не получилъ лично подтвержденія этого слуха и потому не привожу этихъ разсказовъ.

Когда духоборецъ отказывается служить, онъ кратко объясняетъ по впередъ заготовленнымъ вопросамъ и отвѣтамъ причины этого. Вотъ тѣ краткія, простыя, но полныя христіанскаго смысла слова, въ которыхъ духоборцы выражаютъ свой отказъ отъ царской службы:

Вопросъ: Почему вы не желаете служить императору?

Отвѣтъ: Желалъ бы исполнять волю императора, а онъ научаетъ людей убивать, а моя душа того не желаетъ.

В. Почему не желаетъ?

О. Потому что Спаситель заповѣдалъ (т. е. запретилъ) людямъ убивать, а я вѣрую Спасителю, исполняю волю Божію.

* Т. е. готовсь!

• В. Ты кто такой?

О. Я христіанинъ.

В. Почему ты христіанинъ?

О. По познанію Слова Христова. Христіанина духъ живущій не можетъ и не будетъ дѣлать дѣлъ вашихъ.

«Послѣ этого», прибавилъ духоборецъ, сообщавшій мнѣ эти вопросы и отвѣты, «съ нами начальство ужъ ничего сдѣлать не можетъ».

Такимъ образомъ еще съ весны сего года начались проявленія рѣшенія, принятаго духоборцами — больше не служить въ военной службѣ и не повиноваться власти въ томъ, что противорѣчитъ ученію Христа.

Вскорѣ стали представляться случаи примѣненія этого рѣшенія при столкновеніи съ властями. Привожу здѣсь наиболѣе характерные.

Въ духоборческое селеніе Родіоновку пригнали арестанта этапнымъ порядкомъ, для препровожденія его дальше. Очередь вести арестанта пала на Ѳедора Лебедева, родного брата Матвѣя, отказавшагося отъ военной службы въ Елизаветполѣ.

Ѳедоръ Лебедевъ заявилъ старостѣ, что онъ не можетъ сопровождать арестанта, такъ какъ онъ не можетъ совершить надъ нимъ никакого насилія и, стало быть, будетъ бесполезенъ. И просилъ старосту такъ и доложить объ этомъ начальству. Староста отвѣтилъ: «я не предатель вашъ, дѣло твое, а я приведу тебѣ на дворъ арестанта, ты съ нимъ и возись, какъ хочешь».

Ѳедоръ Лебедевъ возвратился домой и сидѣлъ въ своей хатѣ, когда староста дѣйствительно привелъ арестанта къ нему въ домъ и оставилъ, а самъ ушелъ. Ѳедоръ Лебедевъ обошелся съ нимъ, какъ со странникомъ; обогрѣлъ, напоилъ, накормилъ его, уложилъ спать. На другое утро, видя, что арестантъ — человекъ бѣдный, далъ ему на дорогу 1 руб. 50 коп. денегъ и предложилъ вывести изъ деревни; когда вышли за деревню, онъ показалъ ему двѣ дороги: одну — направленіе его этап-

наго пути, а другую—на волю, предоставивъ выбрать ему, что онъ хочетъ. Арестантъ выбралъ первое и дошелъ по назначенію. Этотъ случай не имѣлъ дурныхъ послѣдствій.

Духоборецъ Андрей Поповъ, изъ деревни Орловки, былъ избранъ на должность старшины. Когда прежній старшина сталъ сдавать ему должность, передавать книги, печати и объяснять обязанности, то Андрей Поповъ сказалъ, что это дѣло не правое, что обязанностей этихъ онъ исполнять не будетъ и служить отказывается. Онъ былъ тотчасъ арестованъ и теперь сидитъ въ тюрьмѣ въ Тифлисѣ.

Когда ожидался пріѣздъ Тифлискаго губернатора въ духоборческія селенія, 13 духоборцевъ вызваны были по наряду уѣзднымъ начальникомъ для охраны дороги отъ разбойниковъ. Они должны были выѣхать вооруженными, а выѣхали безъ оружія. И на вопросъ уѣзднаго начальника, почему они пріѣхали безъ оружія, они отвѣтили, что оно имъ не нужно, такъ какъ если они и встрѣтятъ разбойника, они ни стрѣлять, ни бить его не будутъ, а могутъ только уговаривать. И тутъ же объяснили, что они отказываются отъ всякой службы правительству. Они были арестованы и сидятъ въ Тифлисской тюрьмѣ. Въ выноску я привожу ихъ имена и названія деревень, откуда они родомъ*.

Въ Елизаветпольской тюрьмѣ сидятъ 120 человекъ духоборцевъ. Часть ихъ была арестована за возвратъ ополченскихъ билетовъ, т. е. за отказъ отъ службы въ запасъ, часть за отказъ отъ должностей сельскихъ старостъ и за возвратъ печатей и бляхъ, а часть за подстрекательство и всякого рода неповиновеніе.

* Изъ Тамбовки: Иванъ Пономаревъ; изъ Орловки: Данило Рязанцевъ, Петръ Махортовъ, Василій Казаковъ; изъ Спасской: Иванъ Войкинъ и Григорій Поповъ; изъ Ефремовки: Иванъ Ивинъ; изъ Богдановки: Григорій Черненко, Василій Поповъ, Михайлъ Шляховъ и Николай Позняковъ; изъ Троицкой: Петръ Лавренченко и Федоръ Сухоруковъ.

Многіе изъ этихъ людей на приказаніе снять въ тюрьмѣ свое платье, отказались, заявивъ, что оно имъ привычно и они не считаютъ нужнымъ снимать. Съ нихъ сняли насильно. Потомъ велѣли имъ надѣть арестантское платье, — они опять отказались и отвѣтили, что имъ оно не нужно, потому что у нихъ есть свое и что арестантское платье считаютъ для себя неприличнымъ. И остались сидѣть въ одномъ бѣльѣ; отказались также принимать казенную пищу, кромѣ хлѣба и воды.

Подобнымъ образомъ продолжали поступать духоборцы и при другихъ разнаго рода столкновеніяхъ съ властями.

Но все это были только первые шаги, не доставало еще общаго торжественнаго выраженія своего отреченія отъ насилія. Такое торжественное отреченіе они выразили тѣмъ, что рѣшили уничтожить все, имѣвшееся у нихъ оружіе.

Для того, чтобы вполнѣ оцѣнить этотъ поступокъ, надо понять то значеніе, которое имѣетъ оружіе на Кавказѣ. Ношеніе оружія на Кавказѣ есть не только обычай и условіе приличія, но считается необходимою для всякаго человѣка. Съ оружіемъ ходятъ и по городу и въ гости, съ оружіемъ отправляются въ дорогу и даже работаютъ и пасутъ стадо, чтобы быть въ состояніи защищаться отъ нападенія звѣрей и разбойниковъ. И потому уничтоженіе оружія имѣло для духоборовъ важное значеніе. Это уничтоженіе оружія было поступкомъ, выражающимъ на дѣлѣ готовность принять все послѣдствія непротивленія злу насиліемъ, т. е. терпѣть всякаго рода посягательства на жизнь и безопасность скорѣе, чѣмъ позволить себѣ сдѣлать насиліе надъ другимъ человекомъ.

Рѣшено было сжечь оружіе, и для этого была назначена ночь съ 28 на 29 іюня, на день Петра и Павла.

Сожженіе оружія происходило одновременно въ Карской области, въ Елизаветпольской губерніи и въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи.

«Въ Карской области, рассказывалъ мнѣ тамошній духоборъ, участвовавшій въ сожженіи оружія, старики не говорили намъ, молодымъ, гдѣ было выбрано мѣсто для сожженія, чтобы не было лишней болтовни и чтобы никто не помѣшалъ. Старики велѣли намъ приготовить четыре мѣста, чтобы запутать начальство. А между тѣмъ начальство уже провѣдало и полиція рыскала и искала мѣста собранія, и побывала на всѣхъ четырехъ мѣстахъ, но ничего не нашла и успокоилась. Съ наступленіемъ же ночи старики указали намъ мѣсто и мы всё пошли и снесли туда все оружіе и тамъ сожгли его. На другой день приставъ съ чапанами (конная стража) пріѣхали и забрали остатки. Постѣ этого сейчасъ же стали отказываться отъ службы наши ратники ополченія и сдавать свои билеты; отказалось всего человѣкъ 60, а посадили въ тюрьму только 15, потомъ перестали сажать.»

Въ Елизаветпольской губерніи сожженіе оружія также прошло благополучно.

Въ Ахалкалакскомъ же уѣздѣ при этомъ случилось столкновеніе съ властями, рассказъ о которомъ, записанный мною со словъ участниковъ въ ней, я передаю почти дословно.

«Рѣшили мы, рассказывалъ мнѣ старикъ духоборъ, больше не служить и не повиноваться ни государю и никакому начальству, а служить только Богу, идти по Его пути и творить правду. Рѣшили также не творить никому зла и насилія а тѣмъ болѣе никого не убивать и не только человѣка, но и другихъ тварей, даже до самой малой птицы. Тогда намъ стало не нужно оружія. Вотъ мы и рѣшили уничтожить его, чтобы наше оружіе и другимъ людямъ не послужило на зло. Выбрали мы сообща день Петра и Павла и объявили объ этомъ по всѣмъ нашимъ селеніямъ. Оставили мы у себя только ножи, а всякое оружіе, сдѣланное на убійство человѣка собрали и снесли на зараннѣе приготовленное мѣсто. Мѣсто это съ давнихъ временъ назначено

у насъ для большихъ молитвенныхъ собраний и называется 'Пещерой'. Тамъ дѣйствительно есть углубленіе въ скаль. Мѣсто это находится въ 3-хъ верстахъ отъ Орловки, а отъ другихъ селеній нашихъ подальше».

«Собрались мы на это мѣсто, сложили въ кучу все оружіе, обложили дровами, углемъ, облили керосиномъ, — все это было заранѣе припасено и зажгли. Народу сошлось до 2,000 человѣкъ.*

«Мы очень беспокоились о томъ, чтобы начальство не помѣшало нашему дѣлу и потому не всѣмъ говорили раньше объ этомъ намѣреніи. И дѣйствительно, намъ удалось сдѣлать это безъ помѣхи. Приходили другіе жители сосѣднихъ деревень, армяне, смотрѣли какъ мы жгли оружіе, но никто въ эту ночь не донесъ и къ утру костеръ догорѣлъ и мы стали молиться, пѣть и читать псалмы. Окончивъ молитву, мы разошлись по домамъ и все ждали, что будетъ намъ отъ начальства. Но весь этотъ день прошелъ спокойно. Вечеромъ мы опять собрались на то же мѣсто и стали дожигать остатки, чтобы никому не досталось; принесли еще угля и мѣхи, чтобы раздувать огонь — и чтобы сплавить металлическія части въ одинъ кусокъ; и ночь прошла спокойно. Взошла заря и мы опять стали на молитву. Собралось еще больше народа. Были и женщины и подростки. Тѣ, которымъ было далеко, пріѣхали на фургонахъ.

«Какъ сказано, мы держали между собой въ тайнѣ намѣреніе сжечь оружіе, боясь, чтобы намъ не помѣшали; наши же сосѣди духоборцы, несогласные съ на-

* Въ этомъ рѣшеніи уничтожить оружіе приняли участіе въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ духоборцы семи селеній, но не цѣликомъ всѣ семь селеній, а изъ каждаго селенія часть, гдѣ больше, гдѣ меньше. Вотъ болѣе точныя данныя о числѣ дворовъ, принявшихъ участіе въ сожженіи оружія: Въ *Логдановкѣ* изъ 100 дворовъ — 80; въ *Спаскомъ* изъ 70 — половина; въ *Ефремовкѣ* изъ 100 — 70; въ *Орловкѣ* изъ 150 — половина; въ *Троицкомъ* изъ 120 — 40; въ *Родионовкѣ* изъ 115 — 111; въ *Тамбовкѣ* изъ 60 — 40.

ми, подозрѣвали, что мы что-то намѣриваемся дѣлать съ оружіемъ, но не зная навѣрное, что, и слыша, что мы собираемъ оружіе, рѣшили, что мы хотимъ идти грабить Сиротскій домъ, изъ-за котораго у насъ были съ ними раздоры. Такъ какъ мы ждали, что начальство прогонитъ или сошлетъ насъ за отказъ отъ службы правительству, то нѣкоторые изъ насъ дѣлали приготовленія къ походу, молодые парни понакупили себѣ бурокъ и всѣ эти приготовленія были приняты нашими врагами за приготовленія къ бунту и грабежу. Они такъ боялись нападенія, что донесли начальству. и въ селеніе Горѣловку, населенную духоборцами малой партіи, къ этому дню пригнали два батальона пѣхоты изъ Александрополя и двѣ сотни казаковъ изъ Ардагана.

«Такимъ образомъ войско уже было готово, и губернаторъ выѣхалъ на мѣсто предполагавшагося бунта. Приѣхавъ въ Горѣловку, губернаторъ разослалъ нарочныхъ по всѣмъ семи селеніямъ, чтобы всѣ шли въ Богдановку, гдѣ жилъ приставъ и куда онъ намѣревался прибыть самъ. Тѣ изъ нашихъ, которые оставались по домамъ и не были на общей молитвѣ, пошли. Мы же на утро 30-го іюня молились и ждали что будетъ. Приѣхалъ нарочный и къ намъ съ приказомъ идти всѣмъ въ Богдановку къ губернатору. Такъ какъ мы рѣшились не повиноваться никакому начальству, а только Богу, то старики и отвѣтили: 'Мы теперь молимся и раньше, чѣмъ окончимъ молитву, никуда не пойдемъ, а если губернаторъ хочетъ насъ видѣть, пускай приѣдетъ къ намъ; насъ тысячи, а онъ одинъ'. Нарочный уѣхалъ, и мы продолжали молиться, пѣть псалмы. Приѣхалъ второй нарочный, ему отвѣтили тоже самое, и продолжали пѣть псалмы, рѣшивъ между собой, по окончаніи молитвы все-таки идти всѣмъ къ губернатору, узнать, чего онъ отъ насъ хочетъ.

«Богомоленіе еще не было окончено, какъ разставленные нами наши вѣстовые дали намъ знать, что вид-

нбуются казаки. Тогда мы столпились въ кучу и стали ихъ ждаты. Казаки стали подъбзжать къ намъ. Впереди бхаль командиръ и какъ только приблизился къ намъ, закричалъ: 'ура!' и со всей сотней налетблъ на насъ. И казаки начали бить насъ по чему попало и топтать лошадьми, и сильно избили тбхъ, которые были снаружи, тб же, кто былъ внутри, едва не задохлись отъ давки.

«Долго они били насъ, потомъ остановились бить и командиръ закричалъ: 'маршь всеъ къ губернатору'. Тогда старики сказали ему: 'что же ты намъ раньше этого не сказалъ, мы ужъ и то собирались идти, зачбмъ сталъ бить?' — 'А, разговаривать!' Закричалъ командиръ и опять съ казаками бросился на насъ. И опять насъ стали бить плетьюми, и долго били. Нбкоторымъ казакамъ было стыдно бить. Въ одномъ мбстб два казака по командб бить стали махать плетьюми по воздуху, нарочно никого не задбвая. Вахмистръ увидблъ это, доложилъ командиру, и тотъ подъбхавъ къ одному изъ нихъ, закричалъ: 'ты царя обманываешь!' и такъ ударилъ его плетью по лицу, что у него бризгнула кровь изъ носу.

«Наконецъ перестали бить, и мы, избитые и окровавленные, столпившись кучей, пошли къ губернатору. Женщины шли съ нами; но казаки стали отрбзаты ихъ отъ насъ, крича, что женщинъ не надо. Но женщины сказали, что пойдутъ всюду за своими духовными братьями. Командиръ велблъ ихъ бить плетьюми; но онб кричали, что пускай ихъ рбжутъ на куски, онб всетаки пойдутъ и пошли и казаки отступились отъ нихъ.

«Отойдя немного, мы остановились, вспомнивъ, что позади насъ остались наши обозные фургоны и никого при нихъ не было. Тогда казаки стали опять бить насъ и посылать женщинъ править фургонами, но женщины опять отказались; тогда дали выйти изъ толпы по одному человекъ на фургонъ, чтобы править лошадьми, и мы опять въ путь всей толпой въ Богдановку, гдб мы должны были найти губернатора.

«Когда мы пошли, то зашли псаломъ, но командиръ остановилъ пѣніе и велѣлъ своимъ казакамъ пѣть срамныя пѣсни, такія, что намъ и слушать было стыдно.

«Подходя къ Богдановкѣ, командиръ остановилъ насъ, увидалъ губернатора, ѣхавшаго сзади насъ въ коляскѣ изъ Горьловки въ Богдановку. Губернаторъ былъ еще далеко, когда командиръ замѣтилъ его, но онъ сейчасъ же и закричалъ на насъ: 'шапки долой!' Старики отвѣтили ему: 'Зачѣмъ шапки долой? Вотъ подъѣдетъ, да поздоровается съ нами, тогда мы знаемъ, какъ отвѣтить ему. А можетъ онъ и не поздоровается, такъ зачѣмъ же мы будемъ шапки снимать?' Командиръ опять закричалъ своимъ казакамъ: 'въ плети, ура!' И опять казаки стали насъ бить до крови и били такъ жестоко, что по всему мѣсту, гдѣ мы стояли, трава покраснѣла отъ крови. Казаки били насъ не только плетями, но и тыкали кнутовищами въ лицо, стараясь сбить съ головы шапку, и у кого была сбита шапка, того отдѣляли отъ толпы. Подъѣхалъ губернаторъ и, увидавъ, какъ мы избиты, сказалъ сотнику: 'зачѣмъ вы бьете, вѣдь я не велѣлъ?' Сотникъ отвѣтилъ: 'виноватъ, ваше сіятельство!' и остановилъ битые. А губернаторъ проѣхалъ въ Богдановку и собралъ тамъ тѣхъ, которые не были на общей молитвѣ и началъ бранить ихъ. Тогда одинъ изъ нихъ Федоръ Михайловъ Шляховъ вынулъ красный солдатскій билетъ и отдалъ губернатору, объяснивъ, что служить больше не будетъ. Губернаторъ такъ разсердился на него, что самъ побилъ его палкой. Тогда остальные объявили, что они тоже не будутъ служить и ни въ чемъ не будутъ подчиняться правительству. Губернаторъ велѣлъ стоявшимъ тутъ казакамъ вынуть ружья изъ чехловъ. Видя, что въ нихъ готовятся стрѣлять, братья упали на колѣна и сказали: 'прости насъ Господи, прости насъ Господи!' Тогда губернаторъ приказалъ убрать ружья, и велѣлъ бить ихъ плетями, и ихъ жестоко избил.

«Когда мы всё пришли въ Богдановку, писаря переписали всѣхъ муштинъ домохозяевъ, и тогда отпустили насъ по домамъ.»

Затѣмъ началось экзекуція, т. е. постои казаковъ въ духоборческихъ селеніяхъ. Мѣра эта употребляется, какъ одно изъ наказаній при всякаго рода народныхъ возмущеніяхъ. Заключается это наказаніе въ томъ, что въ селеніяхъ неповинующихся людей ставится отрядъ солдатъ по домамъ жителей и предоставляется солдатамъ право пользоваться имуществомъ жителей и хозяйничать въ деревняхъ, какъ въ завоеванной странѣ. Жестокость этой мѣры зависитъ отъ того, насколько допустить начальство произвола и самоуправство чинамъ войска, назначеннымъ на экзекуцію. Трудно было ожидать легкой экзекуціи отъ того командира, который предварительно вмѣстѣ со своими казаками избилъ въ кровь ни въ чемъ неповинныхъ людей. Такъ оно и было.

«Двѣ сотни казаковъ, рассказывали мнѣ духоборцы, поставили по нашимъ селеніямъ. Они стояли по три дня въ каждой деревнѣ. Располагались они на улицѣ и по дворахъ, ставили коновязи и брали у насъ все, что имъ вздумается; и чуть что не по нимъ, били плетьюми. Требовали чтобы мы имъ оказывали почтеніе, и если мы не здоровались, били насъ. Поѣли у насъ всю птицу; когда мы уѣхали, птицы не осталось вовсе, а было дѣвать некуда.

«Насъ не выпускали изъ нашихъ селеній, такъ что мы не могли знать, что дѣлается съ другими, но слышно было, что въ Богдановкѣ, гдѣ казаки безобразничали больше всего, были случаи изнасилованія женщинъ; начальство ничему не препятствовало.

«Въ Орловкѣ казаки вошли въ хату, гдѣ сидѣла женщина, Марья Черкашева, и работала, шила. Они спросили: 'гдѣ хозяинъ?' Она отвѣтила: 'не знаю'. — 'Какъ не знаешь, хозяйка, а не знаешь, гдѣ хозяинъ?' — Она на это отвѣтила имъ: 'да вотъ и васъ бы не знала, кабы не пришли'. И не встала съ мѣста, а продолжала работать;

тогда они вытащили ее на улицу и избили плетьюми.

«Старика 60 лѣтъ Кирилла Конкина также въ деревнѣ Орловкѣ, придравшись къ чему-то, такъ сильно сбѣкли плетьюми, что онъ по дорогѣ, во время выселенія, умеръ.

«Въ Богдановкѣ былъ духоборъ Василій Позняковъ, прежде служившій въ солдатахъ, когда пришли въ эту деревню постоемъ казаки, казацкій хорунжій зашелъ въ хату Познякова и, узнавъ его, поздоровался. Позняковъ отвѣтилъ: 'здравствуйте!' — 'Зачѣмъ не отвѣчаешь мнѣ по военному?' — 'Потому что я ужь не военный и никогда имъ не буду', отвѣтилъ Позняковъ. Хорунжій велѣлъ его сбѣчь плетьюми, потомъ опять сталъ здороваться и требовать отвѣта по военному: 'здравія желаемъ, ваше и т. д.' Позняковъ опять отказался, его опять стали сбѣчь и такъ до трехъ разъ; избили такъ, что онъ мѣсяцъ лежалъ больной.

«Въ деревнѣ Родіоновкѣ во время поста казаки дали по сту плетей двумъ духоборцамъ; Николаю Слѣпову и Егору Кадыкину вотъ по какому случаю.

«Въ деревнѣ Ромашовѣ Борчалинскаго уѣзда, близъ Башкичета, большая часть духоборцевъ принадлежитъ къ партіи несогласной съ нами; но въ одной семьѣ сынъ Николай Слѣповъ съ женой, сестрами и матерью захотѣлъ перейти къ намъ и сталъ жить по новому. Пересталъ пить водку, курить, ѣсть мясо. Одинъ отецъ противился этому и заставлялъ семейныхъ жить по прежнему. Они обратились къ намъ за помощью и мы сказали, чтобы они приходили къ намъ; что если отецъ ничего не будетъ давать, то уходили бы хоть голыми, мы одѣнемъ; только бы душу освободить. Мы условились, куда за ними выслать фургоны и за ними поѣхалъ Родіоновскій духоборецъ Егоръ Кадыкинъ и привезъ сначала мать и сестеръ, а потомъ и его съ женой. Отецъ остался одинъ и пожаловался начальству. Когда казаки стояли постоемъ въ Родіоновкѣ, кто-то указалъ сотнику на Николая Слѣпова и Егора Кадыкина и тотъ велѣлъ имъ дать по сту плетей.»

Эти немногіе случаи, которые мнѣ удалось записать, достаточно рисуютъ поведеніе войскъ при экзекуціи.

Послѣ экзекуціи стали духоборцевъ выгонять изъ ихъ деревень, сначала по 5 семей изъ каждой деревни, потомъ по 10, черезъ нѣсколько дней одна партія послѣ другой. По объявленіи приказа на выселеніе давалось сроку три дня. Въ эти три дня надо было собраться, уложиться и распродать все имѣніе. Продавали за безцѣнокъ: то, что стоило 50, продавали за 5; что не успѣвали продать, бросали такъ и раззорились въ конецъ. Побросали много скота и хлѣбъ на корню остался необраннымъ. Такъ что всѣ раззорились.

Всего выселено изъ Ахалкалакского уѣзда 464 семьи и разселены они по четыремъ уѣздамъ Тифлисской губерніи: Душетскомъ, Горійскомъ, Тіонетскомъ и Сигнахскомъ, по грузинскимъ деревнямъ, какъ будто съ цѣлью уморить ихъ съ голоду, по 2, по 3 и по 5 семей въ одной деревнѣ, безъ влочки земли и съ запретомъ общенія между собою. Они распродаютъ понемногу свое имущество и работаютъ на грузинъ—бѣднымъ даромъ, а богатымъ за небольшую плату, и не смотря на свое раззореніе, продолжаютъ помогать бѣднѣйшимъ.

Я видѣлъ многихъ изъ этихъ великихъ, кроткихъ и сильныхъ людей. Смотря на нихъ и слушая ихъ, мнѣ невольно вспоминались сложныя соціальныя теоріи, многотомныя сочиненія по политической экономіи, имена знаменитыхъ политическихъ агитаторовъ и общественныхъ дѣятелей. Хотѣлось сравнить значеніе дѣятельности тѣхъ и другихъ. Какъ ничтожно кажется духоборское ученіе среди всѣхъ этихъ знаменитыхъ теорій! А между тѣмъ не къ нимъ ли, къ этимъ духоборцамъ и людямъ подобнымъ имъ, относится молитвенный возгласъ Христа: «Славию Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаилъ сіе отъ мудрыхъ и разумныхъ и открылъ то младенцамъ. Ей, Отче! ибо таково было Твое благоволеніе» (Матѣ. 11, 25, 26).

10 сентября 1895 г. — Ясная Поляна.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

«Въ міръ будете имѣть скорбь, но мужайтесь, я побѣдиль міръ.» (Іоан. XVI, 33).

Поселенные на Кавказѣ духоборцы подверглись жестокому гоненію со стороны русскихъ властей, и гоненія эти, описанныя въ запискѣ, составленной человекомъ, ѣздившимъ на мѣсто, чтобы узнать дѣло во всѣхъ подробностяхъ, продолжаются до сихъ поръ.

Духоборовъ били, сбъкли и топтали лошадыми, дѣйствительно казаки, поставленные на экзекуцію въ духоборческихъ селеніяхъ, съ разрѣшенія начальства позволяли себѣ всякаго рода насилія надъ тѣми жителями, которые отказывались отъ службы, и дѣйствительно пытали физически и нравственно и благоденствующихъ жителей, своимъ трудомъ десятками лѣтъ устроившихъ свое благосостояніе, выгнали изъ домовъ, поселивъ ихъ безъ надѣла земли и безъ средствъ существованія въ грузинскія деревни.

Причина этихъ гоненій та, что вслѣдствіе различныхъ причинъ въ нынѣшнемъ году три четверти всѣхъ духоборовъ, именно около 15,000 человекъ (такъ какъ всѣхъ ихъ около 20,000), вернувшись въ послѣднее время съ новой силой и сознательностью къ своимъ прежнимъ христіанскимъ вѣрованіямъ, рѣшили на дѣлѣ исполнять законъ Христа непротивленія злу насиліемъ. Рѣшеніе это побудило ихъ съ одной стороны къ тому,

чтобы уничтожить свое оружіе, считающееся столь необходимымъ на Кавказѣ, и тѣмъ, отрекшись отъ всякой возможности сопротивленія насиліемъ, отдаться во власть всякаго насильника; съ другой стороны къ тому, чтобы ни въ какомъ случаѣ не участвовать ни въ какихъ дѣлахъ насилія, требуемыхъ отъ нихъ правительствомъ, слѣдовательно и въ военной, и всякой другой службѣ, требующей употребленія насилія. Правительство не могло допустить такого уклоненія десятковъ тысячъ людей отъ установленныхъ закономъ требованій, и началась борьба. Правительство требуетъ исполненія, своихъ требованій. Духоборцы не покоряются.

И правительство не можетъ уступить. Не говоря уже о томъ, что такой отказъ духоборовъ исполнить требованія правительства не имѣетъ никакихъ съ мірской точки зрѣнія законныхъ основаній и противенъ всему существующему и освященному временемъ порядку, нельзя допустить такихъ отказовъ ужь по одному тому, что, если допустить это для десяти, то завтра будетъ 1,000, 100,000, которые также не пожелаютъ нести тяжести податей и службы. А стоитъ допустить это, и вмѣсто порядка и огражденія жизни наступитъ самовластье, хаосъ, и ничья собственность и жизнь не будутъ ограждены. Такъ должны разсуждать правительственные лица и не могутъ разсуждать иначе, и нисколько не виноваты въ томъ, что они разсуждаютъ такъ. Безъ всякой даже эгоистической заботы о томъ, что такіе отказы должны лишить его средствъ существованія, собираемыхъ съ народа насиліемъ, безъ всякой эгоистической заботы о себѣ всякій правительственный чловѣкъ отъ царя до урядника долженъ до глубины души возмутиться отказомъ какихъ то некультурныхъ полуграмотныхъ людей отъ исполненія обязательныхъ для всѣхъ требованій правительства. «По какому праву», подумаетъ онъ, «позволяютъ себѣ эти ничтожные люди отрицать то, что признано всѣми, освящено закономъ и

дѣлается повсюду». И правительственные лица никакъ не могутъ быть признаны виноватыми за то, что они поступаютъ такъ, какъ поступаютъ. Они употребляютъ насиліе, грубое насиліе. Но имъ вѣдь и нельзя поступать иначе. Въ самомъ дѣлѣ: развѣ возможно разумными, гуманными средствами заставить людей, исповѣдующихъ христіанскую вѣру, поступать въ сословіе людей, обучающихся убійству и готовящихся къ нему? Можно обманутыхъ людей поддерживать въ обманѣ всякаго рода одуреніемъ, присягой, богословскими, философскими и юридическими софизмами, но какъ скоро обманъ какънибудь разрушенъ, и люди, какъ духоборцы, назвавъ прямо вещи по имени, говорятъ: мы христіане и потому убивать не можемъ, ложь раскрывается, и убѣждать такихъ людей разумными доводами уже нельзя. Единственная возможность заставить повиноваться такихъ людей—побой, казни, лишеніе крова, холодъ и голодъ ихъ семейныхъ. Это самое и дѣлается. До тѣхъ поръ пока они не сознали своего заблужденія, правительственные люди не могутъ дѣлать ничего другого, и потому не виноваты. Но еще менѣе виноваты христіане, отказывающіеся принимать участіе въ обученіи убійству и поступать въ сословіе людей, воспитывающихся для того, чтобы убивать всѣхъ тѣхъ, кого велитъ убивать начальство. Они тоже не могутъ поступать иначе. Такъ называемый христіанинъ, крещенный и воспитанный въ православіи, католичествѣ, протестантствѣ можетъ продолжать служить насилію и убійству до тѣхъ поръ, пока онъ не понялъ того обмана, которому онъ подвергался. Но какъ скоро онъ понялъ, что каждый человѣкъ отвѣтственъ передъ Богомъ за свои поступки, и отвѣтственность эта не можетъ не перейти на когонибудь, ни быть снята съ него присягой, и что ни убивать, ни готовиться къ убійству онъ не долженъ, то для него участіе въ войскѣ становится столь же невозможно нравственно, какъ невозможно физически поднять стоцудовую тяжесть.

Въ этомъ ужасный трагизмъ отношенія христіанства къ правительству. Трагизмъ въ томъ, что правительствамъ приходится управлять христіанскими народами, хотя еще не вполне просвѣщенными, но съ каждымъ днемъ и часомъ все болѣе и болѣе просвѣщающимися ученіемъ Христа. Всѣ правительства со временъ Константина знали и чувствовали это инстинктивно для самосохраненія дѣлали все то, что могли для того, чтобы затемнить истинный смыслъ христіанства и подавить духъ его. Они знали, что, если усвоится людьми духъ этотъ, то уничтожится насиліе, и уничтожится само правительство. И потому правительства дѣлали свое дѣло, устраивая свои государственныя учрежденія, нагромождая законы и учрежденія одно на другое и надѣясь подъ ними похоронить этотъ неумирающій заложенный въ сердца людей духъ Христа. Правительства дѣлали свое дѣло, но христіанское ученіе въ то же время дѣлало свое, все больше и больше проникая въ души и сердца людей. И вотъ пришло время, когда дѣло христіанства, какъ оно и должно было быть, потому что христіанское дѣло — дѣло Божье, а правительственное дѣло — дѣло человѣческое, — пришло время, когда дѣло христіанства перегнало дѣло правительственное.

И какъ въ разгораніи костра наступаетъ время, когда огонь послѣ того, какъ онъ долго глухо работалъ внутри и только изрѣдка всыхиваніемъ и дымомъ показывалъ свое присутствіе, — пробивается наконецъ со всѣхъ сторонъ и становится уже невозможнымъ остановить горѣніе, такъ точно и въ борьбѣ христіанскаго духа съ языческими законами и учрежденіями наступаетъ то время, когда этотъ христіанскій духъ прорывается всюду, уже не можетъ быть подавленъ и ежеминутно угрожаетъ разрушеніемъ тѣмъ учрежденіямъ, которыя были нагромождены на него:

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ и что должно сдѣлать

правительство по отношенію къ этимъ 15,000 человекъ духоборцевъ, отказывающихся отъ исполненія военной службы? Что дѣлать съ ними? Оставить ихъ такъ нельзя. Уже при теперешнемъ положеніи, при началѣ движенія, явились православные, которые послѣдовали примѣру духоборовъ. Что же будетъ дальше? Что будетъ дальше, если точно также станутъ поступать молокане, штундисты, шалопуты, хлысты, странники, всѣ точно также смотрящіе на правительство и на военную службу и не поступающіе такъ, какъ поступали духоборы только потому, что не рѣшались быть первыми и боялись страданій? А такихъ людей миллионы, и не въ одной Россіи, а во всѣхъ христіанскихъ государствахъ и не только въ христіанскихъ, но и въ мусульманскихъ странахъ—въ Персіи, и Турціи, и Аравіи, какъ хариджиты и бабисты. Нужно сдѣлать безвредными для другихъ десятки тысячъ человекъ, не признающихъ правительствъ и не хотящихъ принимать въ нихъ участія. А какъ сдѣлать это? Убить ихъ нельзя. Ихъ слишкомъ много. Посадить въ тюрьмы тоже затруднительно. Можно только разорять и мучить ихъ; это и дѣлается. Но что, какъ эти мученія не будутъ имѣть ожидаемыхъ послѣдствій, а они будутъ продолжать исповѣдывать истину и тѣмъ привлекутъ еще большее количество людей къ слѣдованію ихъ примѣру?

Положеніе правительствъ ужасно, ужасно тѣмъ главное, что имъ не на что опереться. Вѣдь нельзя же признавать дурными поступки тѣхъ людей, которые, какъ замученный въ тюрьмѣ Дрожжинъ, или теперь еще томящійся въ Сибири Изюмченко, или врачъ Шкарванъ, приговоренный къ тюрьмѣ въ Австріи, или какъ всѣ тѣ, сидящіе теперь по тюрьмамъ люди, готовые на страданія и смерть, только бы не отступитъ отъ своихъ самыхъ простыхъ, всѣмъ понятныхъ, всѣми одобряемыхъ религіозныхъ убѣжденій, запрещающихъ убійство и участіе въ немъ. Никакими ухищреніями мысли нельзя при-

знать поступки этихъ людей дурными или нехристіанскими, и не только нельзя не одобрять, но нельзя не восхищаться ими, потому что нельзя не признавать, что люди, поступающіе такъ, поступаютъ такъ во имя самыхъ высшихъ свойствъ души человѣческой, безъ признанія высоты которыхъ, человѣческая жизнь падаетъ на степень животнаго существованія. И потому какъ бы ни поступало правительство по отношенію этихъ людей, оно неизбежно будетъ содѣйствовать не ихъ, а своему уничтоженію. Если правительство не будетъ преслѣдовать людей, которые, подобно Духоборамъ, Штундистамъ, Назаренамъ и отдѣльнымъ лицамъ, отказываются отъ участія въ дѣлахъ правительства, то выгоды христіанскаго мирнаго образа жизни этихъ людей будутъ привлекать къ себѣ не только искренно убѣжденных христіанъ, но и людей, которые только изъ-за выгодъ будутъ принимать личину христіанства, и потому количество людей, не исполняющихъ требованій правительства будетъ все увеличиваться и увеличиваться. Если же правительство будетъ жестоко какъ теперь относиться къ такимъ людямъ, то самая эта жестокость къ людямъ, виноватымъ только въ томъ, что они ведутъ болѣе нравственную и добрую жизнь, чѣмъ другіе и хотятъ на дѣлѣ исполнять исповѣдуемый всѣми законъ добра; самая жестокость эта будетъ все болѣе и болѣе отталкивать людей отъ правительства, и очень скоро правительства не будутъ находить людей, готовыхъ насиліемъ поддерживать ихъ. Полудикіе казаки, бывшіе духоборовъ по приказанію начальниковъ, очень скоро «заскучали», какъ они выражались, когда они были поставлены въ духоборскихъ селеніяхъ, т. е. совѣсть начала мучить ихъ, и начальство, боясь вреднаго вліянія на нихъ духоборовъ поспѣшило вывести ихъ оттуда.

Ни одно гоненіе невинныхъ людей не кончается безъ того, чтобы люди изъ гонителей не переходили въ убѣжденія гонимыхъ, какъ это было съ воиномъ

Симеономъ истребившимъ павликианъ и потомъ перешедшимъ въ ихъ вѣру. Чѣмъ мягче будетъ правительство къ людямъ, исповѣдующимъ истинное христіанство, тѣмъ быстрѣе количество истинныхъ христіанъ будетъ увеличиваться. Чѣмъ жесточе будетъ правительство, тѣмъ быстрѣе количество людей, служащихъ правительству, будетъ уменьшаться. Такъ что мягко или жестко будетъ поступать правительство съ людьми, въ жизни исповѣдующими христіанство, оно всячески будетъ само содѣйствовать своему уничтоженію. «Нынѣ судъ міру, нынѣ князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ» (Л. XII. 31). И судъ этотъ совершился 1800 лѣтъ тому назадъ, т. е. тогда, когда на мѣсто истины внѣшней справедливости поставлена была истина любви. Сколько бы ни набрасывали на горящую кучу хвороста дровъ, думая этимъ затушить огонь, — огонь непотухающій, огонь истины, только на время пригложнетъ, но разгорится еще сильнѣе и сожжетъ все то, что наложено на него.

Вѣдь если бы и случилось то, что нѣкоторые борцы за истину, какъ это и бывало всегда, ослабѣли въ своей борьбѣ и исполнили бы требованія правительства, то вѣдь это ни на волосъ не измѣнило бы положенія. Нынче сдались бы духоборы на Кавказѣ, не выдержавъ тѣхъ страданій, которымъ подвергаютъ ихъ дѣдовъ, бабокъ, женъ и дѣтей, завтра съ новой силой выступили бы новые борцы, готовые со всѣхъ сторонъ и все смѣлѣе и смѣлѣе заявляющіе свои требованія и все менѣе и менѣе способные сдаваться. Вѣдь истина не можетъ перестать быть истиной отъ того, что подъ гнетомъ мученій ослабѣваютъ люди, свидѣтельствующіе ее. Божеское должно побѣдить человѣческое.

Но что же будетъ, если правительство уничтожится? слышу я вопросъ, который всегда ставятъ сторонники власти, предполагая, что если не будетъ того, что есть теперь, то уже ничего не будетъ и все погибнетъ.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ всегда одинъ и тотъ же. Будетъ то, что должно быть, что угодно Богу, что согласно съ Его вложеннымъ намъ въ сердца и открытымъ нашему разуму закономъ. Если бы правительство уничтожилось потому, что мы, какъ это дѣлали революціонеры, уничтожили его, то понятно, что вопросъ о томъ, что будетъ послѣ того, когда уничтожится правительство, требовать бы отвѣта отъ тѣхъ, кто уничтожаетъ правительство. Но то уничтоженіе правительства, которое происходитъ теперь, происходитъ не потому, что кто то, какіе-нибудь люди по своей волѣ захотѣли уничтожить его: оно уничтожается потому, что несогласно съ волей Бога, открытой нашему разуму и вложенной въ наши сердца. Человѣкъ, отказывающійся сажать братьевъ въ тюрьмы и убивать ихъ, не имѣетъ никакихъ видовъ на уничтоженіе правительства; онъ только хочетъ не дѣлать противнаго волѣ Бога, не дѣлать того, что не только онъ, но всѣ люди, вышедшіе изъ звѣрскаго состоянія, несомнѣнно признаютъ зломъ. Если же при этомъ уничтожается правительство, то это означаетъ только то, что правительство, требуетъ противнаго волѣ Бога, т. е. зла, и что потому правительство есть зло и потому должно уничтожиться. Измѣненіе, совершающееся въ наше время въ общественной жизни народовъ, хотя мы и не можемъ вполне представить себѣ ту форму, которую оно приметъ, не можетъ быть дурно, потому что измѣненіе это происходитъ и произойдетъ не по произволу людей, а по внутреннему, общему всѣмъ людямъ требованію божественнаго начала, вложеннаго въ сердца людей. Происходятъ роды, и вся дѣятельность наша должна быть направлена не на противодѣйствіе, а на содѣйствіе имъ. Содѣйствіе же это достигается никакъ не отступленіемъ отъ открытой намъ божеской истины, а напротивъ явнымъ и безстрашнымъ исповѣданіемъ ея. И такое исповѣданіе истины даетъ не только полное удовлетвореніе совѣсти

тѣмъ, кто исповѣдуетъ истину, но и наибольшее благо людямъ, какъ насилуемымъ, такъ и насилующимъ. Спасеніе не назади, а впереди.

Моментъ кризиса измѣненія общественной формы жизни и замѣны насильственнаго правительства другой связующей людей силой уже пришелъ. И выходъ изъ него уже никакъ не въ остановкѣ процесса или въ обратномъ движеніи, но только въ движеніи впередъ по тому пути, который въ сердцѣ людей указываетъ имъ законъ Христа.

Еще одно небольшое усиліе и галилеянинъ побѣдитъ, но не въ томъ ужасномъ смыслѣ, въ которомъ приписывалъ ему побѣду языческой царь, а въ томъ истинномъ смыслѣ, въ которомъ онъ про себя сказалъ, что побѣдилъ міръ: «Въ міръ будете имѣть скорбь, но мужайтесь, сказалъ Онъ, Я побѣдилъ міръ» (Ин. 16, 32), потому что онъ дѣйствительно побѣдилъ міръ не въ томъ мистическомъ смыслѣ невидимой побѣды надъ грѣхомъ, который приписываютъ богословы этимъ словамъ, а въ томъ простомъ, ясномъ и понятномъ смыслѣ, что, если только мы будемъ мужаться и смѣло исповѣдывать его, то очень скоро не будетъ не только тѣхъ страшныхъ гоненій, которыя совершаются надъ всѣми истинными учениками Христа, исповѣдующими его ученіе на дѣлѣ, но не будетъ ни тюремъ, ни висѣлицъ, ни войнъ, ни разврата, ни роскоши, ни праздности, ни задушенной трудомъ нищеты, отъ которыхъ теперь стонетъ христіанское человѣчество.

19 сентября 1895 г.

Левъ Шолдр

Государствен
БИБЛИОТЕКА
С. С. С.
Им. В. И. Ленин

25208-59

инв. № 15928

- 17-й выпускъ. — «Насущный Вопросъ.» Перепечатка брошюры, вышедшей въ Россіи отъ имени партіи Народнаго Права. Цѣна 4 п. (40 сант.; 10 цент.).
- 18-й выпускъ. — «Холатайство Русскихъ Литераторовъ объ облегченіи цензуры.» Цѣна 4 п. (40 сант.; 10 цент.).
- 19-й выпускъ. — «Гоненіе на Духоборцевъ съ заключеніемъ Л. Н. Толстого.» Цѣна 10 п. (1 фр.; 25 цент.).
- 20-й выпускъ. — «Подвиги А. К. Кривошеина, бывшаго министра путей сообщенія.» Журналъ засѣданія особаго совѣщанія образованнаго по Высочайшему повеленію. Изъ № 26 Л. Листка съ дополненіемъ. Цѣна 6 п. (60 сант.; 15 цент.).
-

Кромѣ того Фондомъ В. Р. Н. публикуются отъ времени до времени отрывочныя новости, замѣтки и сообщенія на отдѣльныхъ летучихъ листкахъ. Вышло 24 №№ съ 2-ми приложеніями: къ № 11-му «Проектъ Русской Конституціи» и № 17-му «О судебномъ преобразованіи».

ИЗДАНІЯ ФОНДА

ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПРЕССЫ

ВЪ ЛОНДОНѢ

а равно и другія запрещенныя для ввоза въ Россію книги, поименованныя въ каталогахъ Фонда, можно получать лично и по почтѣ въ книжномъ складѣ послѣдняго:

L. Goldenberg, 15, Augustus Road., Hammersmith,
London, W.
